

На правах рукописи

Соболев Антон Игоревич

**Русская ономастика финно-угорского происхождения
в Юго-Восточном Обонежье:
опыт реконструкции языкового взаимодействия**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ярославль – 2024

Работа выполнена в отделе диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук

Научный руководитель: **Сергей Алексеевич Мызников**
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт славяноведения Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Васильев Валерий Леонидович**
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии Гуманитарного института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород

Бахтерева Анна Андреевна
кандидат филологических наук, заведующий топонимической лабораторией кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург.

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск.

Защита состоится 27 июня 2024 года в 12:00 на заседании диссертационного совета 33.2.028.03 при ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, ауд. 315 (Зал Г. Г. Мельниченко).

Отзывы об автореферате направлять по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, диссертационный совет 33.2.028.03 (ученый секретарь).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, а также на сайте <http://yspu.org/>.

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного
совета, кандидат
филологических наук,
доцент

Разумов Роман Викторович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено анализу данных субстратной топонимии и антропонимии как источнику для реконструкции языкового взаимодействия в Юго-Восточном Обонежье (далее – ЮОВО).

В исследовании предлагается **научная гипотеза**, согласно которой ономастические данные являются основой для определения относительных и абсолютных хронологических рамок использования и взаимодействия субстратных языков.

Использование имен собственных в качестве источника для реконструкции языкового взаимодействия обусловлено тем, что, кроме самостоятельной культурно-исторической ценности, топонимы и антропонимы обладают значительным лингво- и этноисторическим потенциалом.

В частности, топонимический и антропонимический материал благодаря массовости, четкой территориальной привязке, относительной устойчивости во времени, позволяет осуществить реконструкцию языковой ситуации и языковых контактов в конкретном субрегионе в относительно определяемый хронологический период.

При комплексном использовании методов ономастики и других научных дисциплин возможно определить и абсолютную хронологию указанных процессов (например, используя время фиксации антропонимов в датированных письменных источниках).

Особенно важное значение данные ономастики имеют в случае недостаточности или неполной сохранности исторических письменных источников.

ЮОВО занимает бассейны рр. Андомы и Вытегры, озёр Муромского и Тудозера (север Вытегорского района Вологодской области и юго-запад Пудожского района Республики Карелия).

Современное население ЮОВО – русское. Однако языковые данные (хорошая сохранность субстратной микротопонимии, наличие субстратной лексики в местных говорах) свидетельствуют в пользу относительно недавнего обрусения прибалтийско-финского (прежде всего, вепсского) населения ЮОВО.

Актуальность исследования обусловлена следующими обстоятельствами:

1) недостаточной изученностью языкового взаимодействия на территории ЮОВО;

2) недостаточным количеством комплексных исследований по реконструкции языкового взаимодействия, сочетающих анализ ономастики и результатов исследований

из смежных областей научного знания;

3) наличием субстратной топонимии в остальных регионах Земли. Следовательно, применяемые в работе подходы и методы могут быть использованы для изучения других территорий;

4) необходимостью изучения топонимии субрегиона как части уходящей культуры традиционного общества;

5) изучение характера языкового взаимодействия необходимо для понимания особенностей не только прошлой, но также современной языковой и этнической ситуации.

Объект исследования – субстратная топонимия и антропонимия ЮОВО, являющиеся основными источниками для реконструкции языкового взаимодействия в субрегионе.

Предмет исследования – лингво- и этноисторический потенциал субстратной топонимии и антропонимии, дополняемый данными об особенностях языка, материальной и духовной культуры современного русского населения ЮВО. Их рассмотрение в историческом развитии и взаимосвязи дает представление о языковом взаимодействии финно-угорского и (древне)русского населения в указанном субрегионе.

Основными **источниками исследования** послужили: 1) исторические письменные источники (издания писцовых и переписных книг, архивные материалы); 2) топографические карты и планы XVIII–XX вв.; 3) данные научной топонимической картотеки Карельского научного центра РАН; 4) цифровые базы данных, размещенные в сети Интернет; 5) работы по геологии, географии, биологии, этнографии, истории, касающиеся ЮВО; 6) опубликованные археологические данные; 7) полевые материалы автора, собранные им в 1996–2008 гг. на территории Вытегорского района Вологодской области и Пудожского района Республики Карелия; 8) лингвистические словари.

В качестве сравнительного материала привлекались: 1) исторические и современные топонимы из смежных с ЮВО территорий России (Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская области, Республика Карелия), Эстонии, Финляндии, Швеции, Норвегии. Поиск топонимов проводился по письменным источникам и общедоступным базам данных в сети Интернет; 2) исторические антропонимы из русских и шведских писцовых и переписных книг, а также современные и исторические вепские, карельские и финские антропонимы (в меньшей степени – водские, ижорские и эстонские). Поиск совр. антропонимов кар. и вепс. происхождения производился по общедоступным базам данных в сети Интернет, позволяющим определить место рождения или жительства носителей фамилий по всей территории бывшего СССР.

Таким образом, привлекался материал, относящийся к обширным историческим и современным территориям проживания саамского, прибалтийско-финского населения и к местам поздних миграций последнего.

Цель исследования – реконструкция языкового взаимодействия финно-угорского и (древне)русского населения в ЮВО на основе территориально-временной координации разнодисциплинарных данных: лежащие в основе диссертации данные ономастики дополнены данными диалектологии, истории, археологии, этнографии, теории архитектуры.

Основными **задачами исследования** для достижения поставленной цели являются:

1) этимологизация субстратной топонимов и антропонимов ЮВО с целью осуществления языковой, хронологической и ареальной дистрибуции субстратных топонимов и антропонимов ЮВО;

2) получение детальных – вплоть до отдельных групп поселений – лингвоисторических выводов, касающихся районов и времени проживания на территории ЮВО носителей вепского и карельского языков;

3) определение хронологии языкового взаимодействия, происходившего на указанной территории;

4) определение времени утраты родных языков местным прибалтийско-финским населением;

5) соотнесение между собой наиболее значимых результатов по топонимике, антропонимике, истории, археологии.

Новизна исследования заключается в следующем:

1) осуществлена привязка лингвисторических процессов к абсолютной хронологической шкале (как в целом по субрегиону, так и на его отдельных участках), что позволило установить место и время распространения вепского, карельского и русского языков на отдельных участках субрегиона;

2) впервые представлен опыт реконструкции недостаточно изученных языковых процессов в ЮВО с привлечением столь широкого круга источников. Для написания диссертационного исследования автором были собраны, систематизированы, проанализированы и сопоставлены значительные (в том числе полевые и архивные) материалы по топонимике, антропонимике, а также диалектологии, истории, археологии, этнографии. При этом исследование основывалось на одновременном исследовании сразу двух основных видов ономастического материала – топонимии и антропонимии;

3) предложены новые и уточнены ранее предложенные этимологии субстратных (в том числе субсубстратных) топонимов и антропонимов, а также осуществлена языковая, хронологическая и ареальная дистрибуция субстратных топонимов и антропонимов с учетом лингвистических и экстралингвистических фактов. Большинство топонимов и антропонимов впервые анализируются и вводятся в научный оборот;

4) продолжена работа по поиску критериев дифференциации близкородственной карельской и вепской по происхождению топонимии. Ряд представленных в исследовании топооснов не рассматривались другими авторами или не относились к имеющим вепское или карельское происхождение;

5) рассмотрены механизмы интеграции прибалтийско-финских по происхождению топонимов ЮВО в русскую топонимическую систему, при этом приводится значительное число топонимических калек – одно из самых больших по русским субрегионам Европейского Севера России;

6) по топонимическим данным обосновывается существенная роль сельского хозяйства в быту прибалтийско-финского населения ЮВО;

7) реконструированы лексемы, утраченные в современном вепском (далее также – вепс.) и карельском (далее также – кар.) языках: вепс. **hir* 'v' 'лось', вепс. **huiikutuz* 'место переезда с одного берега водоема на другой', вепс. **kolteg* 'склон, косогор', вепс. **pändeg* 'отмель, пережат', 'небольшой порог', вепс. **sambaz* 'столб или камень, используемый в качестве межевого знака', кар. **väingi* 'изгиб, поворот реки или озера';

8) реконструированы утраченные значения вепских лексем: *pardaz* 'мостики, настил (через болото)', *šolom* 'высокий холм' (< древнерусское *шеломъ* 'шлем', в топонимии – метафорическое обозначение высокого холма).

Практическая значимость исследования. Основные положения диссертации могут быть использованы для выявления, хронологической и языковой дистрибуции языкового субстрата на др. территориях.

Материалы применимы в практике вузовского преподавания курсов и написания учебников по лингвистике (антропонимике, диалектологии, лексикологии, контактологии, топонимике, этимологии), этнологии, краеведению, при составлении топонимических и антропонимических атласов, карт, словарей, баз данных, при руководстве курсовыми и дипломными работами, для разработки образовательных программ в школах Республики Карелия и Вологодской области.

Результаты исследования могут быть использованы для обоснования теоретических и практических подходов в реализации национальной политики и национальных отношений, помочь в осуществлении различных культурных

проектов, в подготовке музейных экспозиций, научных и научно-популярных передач по радио и телевидению.

Реконструкция языковых процессов в ЮОВО не нацелена на противопоставление или разделение на языковой или этнической основе единых территориальных сообществ, конструирование или абсолютизацию культурных границ между ними. Наоборот, результаты исследования свидетельствуют о длительном и продуктивном этническом, языковом и культурном славяно-финском взаимодействии на данной территории. Собственно, подобными контактами может быть объяснена культурная близость и общность исторических судеб русских, вепсов и карелов (а шире – славян и финно-угров) на остальной территории современной России. Полагаем, что это должно служить укреплению межнационального согласия в российском обществе.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении параметров языковой, хронологической и ареальной дистрибуции топонимов и антропонимов с учетом лингвистических и экстралингвистических фактов и использовании полученных результатов для реконструкции языковых процессов. Предпринятые в работе подходы могут быть использованы для дальнейшего изучения топонимии и антропонимии, реконструкции языкового и этнического взаимодействия на иных территориях.

Методы исследования. Исследование сочетает субрегиональный (ЮОВО) и общерегиональный подходы (Обонежье, Северо-Запад России). Для реконструкции языкового взаимодействия применялся комплексный подход к исследованию с привлечением данных различных наук.

Применялись следующие методы исследования: 1) сравнительно-исторический анализ (топонимия, антропонимия, особенности материальной и духовной культуры населения ЮОВО рассматривались на протяжении длительного отрезка времени и в сравнении с особенностями топонимии, антропонимии, материальной и духовной культуры русского, вепского и карельского народов); 2) описательный метод (классификация ономастических данных); 3) лингвостатистический метод (количественный анализ ономастических данных); 4) лингвогеографический, этимологический, этнолингвистический анализ ономастических данных; 5) включенное наблюдение и интервью (сбор полевых материалов).

Положения, выносимые на защиту:

1) ономастика прибалтийско-финского происхождения в ЮОВО включает в себя: географические названия вепского и карельского происхождения (единично – финского и, возможно, водского или ижорского происхождения);

антропонимы вепского и карельского происхождения (единично – финского происхождения);

2) вепский язык распространился в ЮОВО из Юго-Восточного Приладожья в X–XIII вв. и поддерживался неоднократными миграциями с Олонецкого перешейка, прилегающих территорий Юго-Западного Обонежья и Северного Белозерья. Процесс смены языка (с вепского на русский язык) в ЮОВО завершился в XVIII – второй половине XIX вв. Более длительное время (еще в XIX в.) вепский язык сохранялся в группах поселений и отдельных деревнях, удаленных от основных водных и транспортных путей. В топонимии и антропонимии ЮОВО отразились относительно поздние фонетические изменения, характерные для северновепского и средневепского диалектов вепского языка (ареалы указанных диалектов граничат с территорией ЮОВО);

3) карельский язык распространился в ЮОВО из Северо-Западного Приладожья не позднее конца XV в. В течение XVI–XVIII вв. переселения карелов в ЮОВО из

Северо-Западного Приладожья были неоднократными, а в XVIII в. карельский язык еще использовался частью населения субрегиона (включая часть старообрядческого населения ЮОВО). В топонимии и антропонимии ЮОВО отразились относительно поздние явления, характерные для южных говоров собственно-карельского наречия, ливвиковского (далее также – ливв.) и людиковского (далее также – люд.) наречий карельского языка. При этом в ЮОВО также присутствует лексема (*каян* ‘самец лосося’), источником которой послужили северные говоры собственно-карельского наречия;

4) (древне)русский язык распространился на территорию ЮОВО из Белозерья и более западных частей псковско-новгородских земель в XII–XIII в. и с этого времени по XIX в. контактировал с вепским, а в период с XV по XVIII вв. – с карельским языком;

5) положения экстралингвистического характера:

на территории ЮОВО носители вепского языка встретили жившее в сезонных поселениях и, по-видимому, незанимавшееся земледелием «вепское» население, финно-угорский язык которого не являлся прибалтийско-финским;

существенную роль в хозяйственном укладе доприбалтийско-финского населения занимало рыболовство, а у прибалтийско-финского населения – сельское хозяйство (земледелие и животноводство);

на территорию ЮОВО (в том числе вместе с носителями карельского языка) прибывало некоторое количество носителей финского, а также водского или ижорского языков;

вепское население ЮОВО сложилось в результате взаимодействия прибалтийско-финского («чуждого») населения из бассейна Балтийского моря и местного «вепского» населения, финно-угорский язык или языки которого не был прибалтийско-финским;

русское коренное население ЮОВО сложилось в результате взаимодействия вепского населения из Присвирья (позднее также из южного Обонежья и Белозерья), древнерусского населения из Новгородско-Псковской земли (позднее также из Ростово-Суздальской земли) и карельского населения из Северо-Западного Приладожья.

Результаты диссертации получили апробацию на заседании отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка ИЛИ РАН, где выполнена данная диссертация, а также излагались на следующих конгрессах и конференциях: XV конгресс антропологов и этнографов России (2023 г., Санкт-Петербург); XI Международная научная конференция молодых филологов (2010 г., Таллин); Научные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения В. С. Жекулина, доктора геогр. наук, профессора, основоположника ленинградской школы исторической географии. вице-президента Географического общества СССР (2009 г., Архангельск); Международная научная конференция «Народная культура Русского Севера» (2004 г., г. Архангельск); Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Молодые исследователи – региону» (2004 г., г. Вологда).

Соответствие диссертации паспорту специальности. Отраженные в диссертации положения соответствуют паспорту специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России, в частности, следующим направлениям исследования: п. 1 – «История русского литературного языка, другого языка России. Разработка и использование методов и приемов сравнительно-исторических, типологических, ареальных и экспериментально-фонетических исследований (сравнительно-исторический метод и компаративистика, генетическое родство языков, лингвистическая реконструкция и этимология) строя конкретных языков или языковых

семей. Древние и современные языковые контакты: типология языковых ситуаций»; п. 2 – «Изучение истории развития и функционирования русского языка, другого языка России: язык литературно-письменных и фольклорных памятников, летописей, хроник и родословных XVII–XIX вв.; проблема периодизации языка; диалектная основа литературно-письменных языков»; п. 4 – «Лексический строй русского языка, другого языка России (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и фразеология в их связи с внеязыковой действительностью)»; п. 5 – «Словообразовательная система русского языка, другого языка России (классификация словообразовательных единиц и категорий, модели словообразования, словообразовательные ряды)».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, основной части, состоящей из 5 глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы (445 наименований), списка иллюстративного материала, а также приложения. Основной текст и приложение содержат 57 картосхем и рисунков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность и научная новизна исследования, формулируется научная гипотеза, научная проблема, определяются объект и предмет исследования, устанавливается его цель и задачи, оценивается степень разработанности темы, описывается источниковая база, теоретическая основа, методология и методы исследования, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту, оценивается степень достоверности результатов, описывается их апробация, приводится информация о внедрении. Представлены общие сведения об исследовании, обозначаются его территориальные и хронологические рамки, структура работы.

Глава 1 «Данные ономастики Юго-Восточного Обонежья и их соотношение с данными других наук» обосновывается актуальность изучения ономастики для реконструкции языковой и этнической ситуации, дается история изучения вопроса и обзор литературы по ономастике, языкового и этнического взаимодействия финно-угорского и восточнославянского (русского) населения на исследуемой территории.

В разделе 1.1 «Возможности использования ономастического материала в целях реконструкции языкового взаимодействия в Юго-Восточном Обонежье и степень его изученности» изложены исходные гипотезы, сводящиеся к следующим выводам: 1) топонимия и антропонимия прибалтийско-финского происхождения в ЮОВО не является исключительно вепской по происхождению, а может являться также карельской по происхождению; 2) топонимия и антропонимия русского происхождения в ЮОВО не является исключительно исконной, а может являться переведенной (калькированной) с прибалтийско-финских (вепских, карельских) источников; 3) на территории ЮОВО имелось вепско-русское и карельско-русское двуязычие и происходил постепенный переход вепского и карельского населения на русский язык.

При этом неясен конкретный период и места использования вепского и карельского языков на территории ЮОВО и характер их взаимодействия с русским языком на различных участках субрегиона в различные периоды времени. Для решения указанных научных проблем, в частности, использования ономастического материала в целях реконструкции языкового взаимодействия необходимо решить следующие задачи: 1) осуществить точную географическую привязку ономастического материала

к конкретным группам поселений (участкам) субрегиона; 2) повысить степень достоверности этимологий топонимов и антропонимов; 3) пересмотреть или уточнить большинство ранее предложенных топонимических этимологий с учетом привлечения карельского языкового материала, а также осуществить поиск критериев дифференциации вепских и карельских по происхождению топонимов и антропонимов; 4) осуществить привязку ономастического материала к абсолютной хронологической шкале.

Первые две задачи решаются в главе 1, третья задача – в главе 2, четвертая – в главах 3–5.

Для решения заявленных задач использован методологический подход – проведение исследования, основанного на данных как топонимии, так и антропонимии, при этом сочетающем микрорегиональный и общерегиональный подход.

В разделе 1.2 «Районирование Юго-Восточного Обонежья с целью географической привязки ономастического материала» в целях осуществления задачи по точной географической привязке ономастического материала к конкретным участкам субрегиона вводится следующая система, состоящая из 2 иерархических уровней. После каждого топонима / антропонима ЮВО указывается в скобках 2 обозначения, отделенные двоеточием, например: *Ялега*, р. (АнС: Сорочье Поле). Здесь стоящее до двоеточия «АнС» – наименование гнезда (группы) поселений, а стоящее после двоеточия «Сорочье Поле» – наименование ближайшего к топониму населенного пункта, входящего в это гнездо (группу) поселений.

При этом в целях географической привязки ономастического материала выделено 34 группы поселений (по состоянию на конец XIX – начало XX в.).

В разделе 1.3 «Повышение достоверности ономастических этимологий» выполнение задачи по повышению степени достоверности этимологий топонимов и антропонимов достигается привлечением широкого спектра источников ономастического материала (полевые данные, топографические карты, письменные источники), позволяющего рассматривать топонимы и антропонимы в историческом развитии; привлечением как лингвистических (лексических) так и внеязыковых (археологических, географических, биологических) данных.

Повышение достоверности этимологий ономастического материала достигается через ряд приемов, которые проиллюстрированы на конкретных примерах: 1) привлечение широкого спектра источников и сопоставление их материала с полевыми данными; 2) учет данных исторической фонетики и фонетической адаптации в контактировавших языках; 3) нацеленность на так называемые «точные» этимологии, которые могут быть подтверждены лингвистическими (например, калькирование) или экстралингвистическими (главным образом, географическими) фактами; 4) сопоставление топонимов и антропонимов изучаемой территории с ономастическими данными из других регионов; 5) исключение из рассмотрения малоинформативных топонимов, то есть предпочтительное выявление топонимов, обладающие высоким дифференцирующим потенциалом; 6) исключение предвзятости, включая «подгонку» этимологии под определенный язык.

В разделе 1.4 «Географическое подтверждение топонимических этимологий в Юго-Восточном Обонежье» данные топонимии анализируются в соотношении с географическими данными. В настоящем разделе наиболее подробно рассмотрены топонимы, этимология которых связана с особенностями литогенной основы и рельефа. Основываясь на географических подтверждениях топонимических этимологий можно заключить, что: 1) в ЮВО подтверждается былое использование вепского (например, топооснова *Кукас*- < вепс. 'холм, горка' в названиях холмов и

гор) и карельского (*Малья*- < кар. *malja* ‘чаша, чашка, миска’) языков, а также финно-угорского языка саамского типа (*Корч*- < прасаамское **(s)kurččV* ‘расщелина с крутыми склонами’); 2) этимологический разбор апеллятивной лексики, к которой восходят топонимы (вепс. *haud* ‘яма’ и др.), свидетельствует о несомненном наличии германских заимствований в языке прибалтийско-финского населения ЮВО; 3) хорошая сохранность микротопонимии (например, урочище с залежами чугунной руды *Еньговда* < вепс. **Enähouđ* ‘большая яма’) свидетельствует в пользу относительно недавнего обрусения прибалтийско-финского (прежде всего, вепсского и карельского) населения ЮВО.

В разделе 1.5 «Данные по топонимике Юго-Восточного Обонежья как источник для реконструкции границ освоения территории и формирования культурного ландшафта» на основании анализа топонимии реконструированы границы освоения и особенности формирования культурного ландшафта ЮВО. Рассмотренные в разделе топонимы свидетельствуют о следующем:

1) судя по наличию топонимов с основой *Пух*- / *Свят*- < вепс. *pühä* ‘святой’, в раннем значении ‘изгородь, ограда, граница’, древним вепсам не позднее XI в. были известны водоразделы между бассейнами Андомы (бассейн Балтийского моря) и Сойды (бассейн Каспийского моря), Тудозера и Вытегры (оба – бассейн Балтийского моря), а граница освоения территории проходила в районе более поздних сёл Замошье и Слобода;

2) доприбалтийско-финское население ЮВО до прихода прибалтийско-финского (древневепсского) и слав. населения, очевидно, не занималось земледелием и, судя по наличию топонимов с основой *Чеки*- (< прасаамское **čekće* ‘осень’) в местах осеннего нереста атлантического лосося, проживало в сезонных поселениях;

3) прибалтийско-финское население было представлено вепсами и карелами;

4) субстратные топонимы прибалтийско-финского происхождения указывают на существование в крае укрепленных поселений (городищ) (*Линд*- < вепс. *lidn* ‘город’), сельских населенных пунктов (*Кюля* / *Тюля* < вепс., кар. *külä* ‘деревня, село’), свидетельствуют о наличии земледелия (*Каск*- < вепс. *kas’k* ‘подсека’, кар. *kaski* ‘подсека, пожог’; *Нижумы* < вепс., кар. *niži* ‘пшеница’, вепс. *ma* ‘поле, участок земли под какой-либо культурой’, кар. *maa* ‘сельскохозяйственное угодье, поле’ и др.) и животноводства (*Ёбо*- / *Ёбо*- < вепс. *hebo*, *höbo* ‘лошадь’, кар. *hebo* ‘кобыла’, ‘лошадь’);

5) наличие топонимических калек (например, *Силдручей*, где *Силд*- < вепс. *sild*, кар. *silda* ‘мост’, ранее руч. *Стармуйской*, конец XVIII в. < *Стармостской*, ср. урочище *Старые Мостки*) указывает на былое прибалтийско-финско-русское двуязычие, а адаптация топонимов в форме полукалек (*Кедручей*, *Леппожня*) и хорошая сохранность микротопонимии – о постепенном обрусении местного прибалтийско-финского населения, произошедшем в довольно позднее время.

В разделе 1.6 «Данные по топонимике Юго-Восточного Обонежья в соотношении с данными археологии» рассматривается соотношение между археологическими и топонимическими пластами. Сопоставление указанных данных свидетельствует:

1) о наличии в X–XIII вв. поселений древних вепсов на Тудозере, на р. Андоме (район Макачёво), на оз. Муромском и, возможно, в бассейне Вытегры (район Талицы), поскольку на указанной территории выявлено 3 топонима на *-ицы* / *-ичи* с вепскими топоосновами (*Гонгиницы*, местность < вепс. **Hong(oi)*, в основе – древнее вепское личное имя **Hong(oi)* < вепс. *hong* ‘сосна (обычно сухая, высокая), высохшая на корню сосна’; *Степовичи* / *Степковичи*, местность < вепс. **Stepoil*, где вепс. *Stepoi* – рус. *Степан*; *Юбеничи*, покос < вепс. **Hübjoil*, в основе – древнее вепское личное имя

*Hübjo < вепс. *hüb* ‘сова, филин’). При этом топонимы *Гонгиницы* и *Юбеничи* были перенесены древними вепсами из бассейна Ояти, где также имеются деревни с аналогичными названиями: *Гонгиничи* и *Юбеничи* / вепс. *Hübjoil*;

2) о возникновении в XII–XIV вв. на важных участках водно-волоковых путей – на реках Андоме и Самине укрепленных поселений – «городков» / вепс. *lidn* ‘город’, что отразилось в гидронимной основе *Линд-*, приуроченной к деревням *Загородская* и *Подгородье*.

В разделе 1.7 «Данные ономастики и сведения письменных источников о языковом и этническом составе населения Юго-Восточного Обонежья» показано, что практически до середины XIX в. этнический состав Олонецкой губернии, в том числе ЮОВО, не был предметом подробного исследования. Указания на наличие «корельских» переселенцев в XVII в. в Андомском погосте связаны с их учётом как беженцев из соседнего государства (Шведского королевства). Появление термина «корельские выходцы» в ревизских сказках конца XVIII в. по Андомскому погосту объясняется судебной тяжбой между ними и помещиком и являлось обоснованием их свободного от крепостной зависимости статуса.

В конце XVIII – начале XIX в. к карелам или к потомкам карелов-переселенцев, в том числе жившим в западной части бассейна Тудозера, относили себя отдельные жители в западной и восточной частях бассейна Андомы (Макачёво, Мальян, Купецкое Озеро) и в восточной части бассейна Самины (Ешино). В конце XIX в. к карелам причислялось население в бассейне оз. Муромского и в верховьях Черной (Гакугса, Лобеги и Ранина Гора).

Кроме того, в разделе рассмотрены сведения об этническом окружении ЮОВО и исходных местах миграций населения в субрегион, свидетельствующие, что вепсский язык поддерживался в результате миграций вепского населения с Олонецкого перешейка (XVI в.), а также прилегающих к ЮОВО территорий Юго-Западного Обонежья и Северного Белозерья, продолжавшихся вплоть до начала XX в.

Также в разделе проведен анализ отэтнонимных антропонимов, топонимов и коллективных прозвищ ЮОВО. Результаты анализа свидетельствуют, что в середине XVI в. в группе поселений Андома, вероятно, преобладало вепс. население, поскольку священник Андомской церкви носил прозвище *Русин*, а дольше всего вепсский язык сохранялся в бассейне Сойды (Сойдозеро) и в западной части бассейна Андомы (Замошье), о чем свидетельствуют коллективные прозвища *кайваны* и *чухари*. Последняя четверть XIX в. – верхняя временная граница существования вепс. языка в Сойдозере (судя по изменению формы топонима *Авдозеро* > *Овдозеро*, за которым скрыт известный в ряде говоров вепского языка переход *ai* > *oi*, в данном случае *haud* > *houd* ‘яма’ – озеро является карстовым). В 1583, 1616-1619 гг. выходцы из Корельского уезда отмечены на нижней Вытегре. Антропонимы *Кореленик* / *Корела* зафиксированы в группах селений Андома и Самоино, фамилии *Корелин* / *Корельский* – в группах селений Андома, Самоино, Ладвозеро и Курженское Озеро. В 1678 г. беженцы из Корельского у. основывают новую дер. Ранина Гора. Дольше всего кар. язык сохранялся в вост. части бассейна Андомы (дер. Корелы), о чем свидетельствует также коллективное прозвище *кайваны*.

С православным карельским населением приграничные территории Северо-Западного Приладожья в XVI–XVIII вв. покидало и некоторое количество лютеранского, как карельского, так и финского, представленного емью и саволаксами, населения, что подтверждается историческими документами и данными топонимики. Кроме того, вместе с карелами в Россию уходила ижора и воль. Антропонимия и топонимия свидетельствуют о переселении в ЮОВО из Шведского королевства в

период с конца XV в. по начало XIX в. лиц, в том числе носивших католические или протестантские имена (*Гиндряковская*, дер., 1563 г. < финское (далее также – фин.) **Hintrik(ko)* / **Hentrik(ko)*, кар. **Hindrik(ko)* / **Hendrik(ko)* – форма личного имени *Генрих* и др.) или исповедующих лютеранство (вольный человек «лютеранского закона», 1785 г. и др.). Местами переселения выходцев из-за шведского рубежа, судя по антропонимическим, топонимическим данным и прямым указаниям письменных источников, в пределах ЮВО были группы поселений, расположенные в бассейне Андомы (Андоморецкие деревни, Андома, Замошье, Самино, Слобода, Цимино), в западной части бассейна Тудозера, в нижнем и среднем течении Вытегры (Анхимово, Девятины, нижнее течение Вытегры), на р. Тагажме, в бассейне Кудомозера.

Этноним *корелы* получил отражение в топонимии среднего течения Вытегры (Марково, Плоские Нивы) и в восточной части бассейна Андомы (район Ладвозера), этноним *емь* – в топонимии вост. части бассейна Андомы (Айнозеро). Топонимы с основой *Venc-* / *Venu-* маркируют районы довольно поздних (вторая половина XVII–XVIII вв.) вепско-карельских контактов в вост. части бассейна Андомы (Андоморецкие деревни) и в верховьях Черной (Лобеги и Ранина Гора).

Выводы и сведения о публикации основных научных результатов главы 1 приводятся в разделе 1.8.

В главе 2 «Дифференциация прибалтийско-финской топонимии Юго-Восточного Обонежья на вепскую и карельскую» решается довольно сложная (в силу близкого родства карельского и вепского языков и нивелирующего воздействия на них русского языка) проблема дифференциации субстратных топонимов карельского и вепского происхождения.

В разделе 2.1 «Топонимы, восходящие к оригинальным для каждого из языков апелляциям» рассмотрены топонимы ЮВО, восходящие к вепским апелляциям, не имеющим аналогов в собственно-карельском наречии карельского языка или отличающиеся от них фонетически, а также топонимы, восходящие к карельским апелляциям: *Гонжема*, поляна < вепс. *hongžom* ‘сосновый лес’; *Вян(ь)г-* < кар. *vängi ‘изгиб, поворот реки или озера’ и др.

В разделе 2.2 «Фонетические особенности» обращается внимание на фонетические критерии разграничения карельских и вепских топонимов: 1) отражение прибалтийско-финского *h* (или *k*) в словах с основой на *-e* как рус. *г* (*Колтега* < вепс. *kolteg и др.), адаптация начального прибалтийско-фин. *h* как рус. *г* (*Габсельга*, где *Габ-* < вепс. *hab* ‘осина’ и др.) в топонимах вепского происхождения; 2) наличие шипящих согласных (*Шавручей*, где *Шав-* < кар. *šavi* ‘глина’, при вепс. *savi* ‘то же’), наличие удвоенных согласных (*Уккомское*, болото < *Уккома < кар. *Ukkotua, где *ukko* ‘старик’, *tua* ‘земля’), сохранение (полу)долгих гласных: *Кишжинское*, дер. < кар. *kidžin* ‘мох, используемый для мшения построек’ в топонимах карельского происхождения.

В разделе 2.3 «Суффиксальные модели» рассмотрены случаи различного суффиксального оформления вепских и карельских топонимов, в том числе при адаптации их русским языком: 1) передача вепских *-l*-овых топонимов с помощью русской модели *-ичи* / *-ицы* (вепс. **Hong(oil)* > *Гонгиницы*, местность), наличие суффикса *-č*, типичного для вепс. топонимов (*Карачьяма*, урочище < вепс. *Karač < вепс. *kar* ‘щель’, ‘отверстие, дыра’ и др.); 2) наличие суффикса *-kka*, характерного для кар. топонимии (*Пелька* / *Пилька*, р. < кар. *Pielekkä ‘расположенная сбоку’).

Разделе 2.4 «Характерные для топонимической системы каждого из языков топонимы, восходящие к общей прибалтийско-финской лексике» посвящен топонимическим типам и топонимам, которые восходят к прибалтийско-финской

лексике, используемой в вепсской или карельской топонимии, но характерной или продуктивной только в одной из топонимических систем. Например, к вепским топонимическим моделям отнесен топоним *Собаранда*, часть берега озера < вепс. *sobarand* ‘место на берегу для полоскания белья’, к карельским топонимическим моделям – топоосновы в названиях *Галентручей / Галентей*, руч. и дер. < кар. **Hallant(o)/oja*, где *hallanto* ‘место, подверженное заморозкам’, *oja* ‘ручей’ и др.

В разделе 2.5 «Антронимные топонимы и антропонимы XIX – начала XX века» проанализировано происхождение фамилий и прозвищ. Одна часть из них имеет вепское происхождение: *Гурбичёв* (вепс. *gurbič* ‘вальдшнеп’), прозвище *Корбуха* (вепс. *korboi* ‘загуста из овсяной муки’) и др. Другая часть восходит к карельскому языку: *Бладуев* (кар. *Bladoi* – рус. *Владимир*) и др. Выявлены топонимы, восходящие к карельским антропонимам (*Мартьева Орга*, урочище < кар., фин. *Martti* – рус. *Мартын* и др.).

В разделе 2.6 «Изменение формы топонима в результате внутренних закономерностей развития языка» рассмотрены случаи изменения форм топонимов в результате утраты вепским языком прибалтийско-финской закономерности – перехода *-s* (в конце слова) в *-ks-* (в основе, в позиции перед гласным в именах с чередованием *-s / -kse*): *Гакукса*, р., ранее *Акукса речка / Вакукса речка*, 1563 г. < вепс., кар. *Hakuksenjogi или кар. *Haahkuksenjogi, где *jogi* ‘река’, позднее *Гакуса*, конец XVIII в., 1810 г., 1873 г. и др.

Выводы и сведения о публикации основных научных результатов главы 2 приводятся в разделе 2.7. В частности, установлено, что топонимы карельского типа выявлены в 31 из 34 (91,2 %) выделенных групп поселений ЮВО, а топонимы вепского типа выявлены в 29 из 34 (85,3 %) выделенных групп поселений ЮВО. Фамилии карельского происхождения выявлены в 9 из 34 (26,5 %) выделенных групп поселений ЮВО. Фамилии и прозвища вепского происхождения выявлены в 4 из 34 (11,8 %) выделенных групп поселений ЮВО. Только в одной из групп поселений не выявлены топонимы как вепского, так и карельского типа – в Рубеже, хотя здесь имеются топонимы недифференцируемого прибалтийско-финского происхождения. Это объясняется характером и поздним временем освоения местности.

От общего числа выявленных дифференцируемых топонимов ЮВО топонимы вепского типа составляют 69,7 %, карельского типа – 30,3 %. При этом в Андомском погосте-округе соотношение составляет 70,2 % и 29,8 %, в Вытегорском погосте-округе – 68,1 % и 31,9 %. При этом стоит отметить, что в Андомском погосте-округе соотношение топонимов вепского типа на территории раннего и позднего освоения составляет 1,8:1, топонимов карельского типа – 1,4:1. Вместе с тем, в Вытегорском погосте-округе указанные соотношения составляют соответственно 2,5:1 и 4,5:1, что свидетельствует о значительном уменьшении случаев появления топонимов карельского типа в Вытегорском погосте-округе после конца XVII в.

В главе 3 «Топонимические кальки как источник для реконструкции языкового взаимодействия в Юго-Восточном Обонежье» для реконструкции языкового взаимодействия в ЮВО используются топонимические кальки – одинаковые в плане содержания, но разные в плане языкового выражения названия объектов. Также рассмотрены вопросы выявления топонимических калек на современных вепских территориях, смежных с ЮВО, проведена языковая, хронологическая и ареальная дистрибуция топонимических калек ЮВО.

В разделе 3.1 «Топонимические кальки на современных вепских территориях Южного Обонежья по ранним письменным источникам» рассмотрена ойконимия

вепского села Шимозера (доля вепского населения в Шимозерской волости в 1926 г. составляла 95,7 %).

Представленные материалы свидетельствуют о том, что: 1) многие вепские деревни имеют 3 названия – официальное русское, неофициальное русское и вепское; 2) официальные русские названия в большинстве случаев образуются от других основ, нежели неофициальные вепские и неофициальные русские; 3) неофициальные русские названия в основном являются кальками и полукальками вепских топонимов; 4) имеются случаи перевода переосмысленных на основе народной этимологии неясных, в том числе доприбалтийско-финских, названий (*Vojär'* – дер. *Маслозеро*, *Uudimägi* – дер. *Новая*).

Причины калькирования вепских названий деревень неофициальными русскими и различие в основах их вепских и русских официальных названий, по-видимому, кроются в следующем: 1) неофициальные русские названия употреблялись в русской речи самим вепским населением; 2) поскольку неофициальные вепские названия не фиксировались письменными источниками, то в различные, хотя и длительные, периоды времени деревня могла носить разные вепс. названия.

Также отмечается, что по источникам, фиксирующим официальные и неофициальные русские названия деревень, было бы крайне трудно судить о вепском присутствии на данной территории, если бы этот факт не был известен.

Кроме того, приводятся примеры синхронных полных топонимических калек на территории Юго-Западного Обонежья: *Травяной*, руч., он же *Гейн-ручей* < вепс. *Heinoja, где *hein* 'трава', 'сено', *oja* 'ручей', 1855 г. и др.

В разделе 3.2 «Полные топонимические кальки в названии одного объекта в Южном Обонежье» представлены выявленные на основании анализа писцовых книг по территории Южного Обонежья (в том числе по исторической территории Вытегорского и Андомского погостов-округов) прибалтийско-финско-русские кальки: 1) синхронные: *Габ-наволок* – *Осинкин починок* (вепс. *hab* 'осина') и др.; 2) диахронные: *Григуева* – *Григорьева* (вепс. *Grigoi, кар. *Griigo* – рус. Григорий) и др.

Раздел 3.3 «Метонимические топонимические кальки» посвящен одинаковым в плане содержания, но различным в плане выражения (разноязычным) обозначениям смежных объектов: урочище *Медвежья орга* на р. Повреке и правый приток р. Повреки – руч. *Кондий* < вепс. *kondii*, кар. *kondie* 'медведь' и др.

В разделе 3.4 «Предполагаемые топонимические кальки в Юго-Восточном Обонежье» с учетом географических реалий, а также наличия топооснов, нехарактерных для русской, но типичных для вепской и карельской топонимических систем, выявлены случаи предполагаемого калькирования: покосы *Синеголовые* – калька с вепс. *Sinipänitud, где *sinipä*, по-видимому, табуированное название змеи (букв. 'синяя голова'), *nitud* 'пожни' и др.

В разделе 3.5 «Топонимические кальки и народная этимология» рассмотрены случаи народной этимологии при калькировании. Так, например, шимозерская дер. Волковская – вепс. *Uudimägi* имела рус. неоф. варианты названия – *Удина гора* и *Новая*. Очевидно, что топооснова *Uudi*- сближалась с вепс. *uz'* (основа *ude-*) 'новый'. Однако в действительности название восходит к вепс. варианту рус. имени *Овдей* (церк. *Авдий*) – *Uudi, ср. рус. *Овдотья* (церк. *Евдокия*) – вепс. *Uudo*. Это подтверждается и рус. названиями деревни, известными по источникам XIX в.: *Авдеева Гора*, *Авдеевщина*.

Приводимые в разделе 3.6 «Ошибки интерпретации топонимических калек Юго-Восточного Обонежья» показывают, что даже такой надежный источник информации как топонимическая калька может оказаться ложным, если сопоставление

основано на первом впечатлении, без выявления и учета ранее зафиксированных форм названий. Например, нам представлялось вероятным, что основа *Пав-* в гидрониме *Паврека / Поврека* восходит к вепс. *palo* ‘огнище, сожженная подсека’, что является оправданным при рассмотрении большинства названий с топоосновой *Пав-*. Кроме того, гидроним фиксируется в форме *Погорелка*. Однако, учет других фиксаций топонима позволяет возводить его к вепс. *Pohjogigi, где вепс. *pohj* ‘север’, *jogi* ‘река’. Таким образом, *Погорелка* не является калькой от *Паврека*, а связана с переосмыслением названия на русской почве.

Выводы и сведения о публикации основных научных результатов главы 3 приводятся в разделе 3.7. В частности, в ЮВО выявлено 53 топонимические кальки с установленной территориальной привязкой. Топонимические кальки выявлены в 20 из 34 (59 %) выделенных групп поселений ЮВО. Их наибольшая концентрация наблюдается в бассейнах Андомы, Самины, Тудозера. При этом значительно меньшее количество топонимических калек в Вытегорском погосте по сравнению с Андомским, по-видимому, не связано с уменьшением интенсивности языковых контактов, а обусловлено меньшим объемом полевого материала по данной территории. В выявленных топонимических калках ЮВО преобладает (38,5 % от их общего числа) калькирование вепских или карельских названий русским языком (20 случаев). Вепско-русские кальки установлены в 15 случаях (28,9 % от общего числа калек). Карельско-русские кальки фиксируются в 10 случаях (19,2 % от общего числа калек). Показательно, что в 70 % случаев они выявлены на территориях Андомского старообрядческого скита, заселенных главным образом в конце XVII – первой половине XVIII в. Единственная вепско-карельская калька отмечена в Илексе (соединенные протокой оз. *Гейкозеро* < кар. *heikko* ‘слабый, немощный, хилый’ и оз. *Пагача* < вепс. *Pahač < *paha* ‘злой, сердитый’, ‘плохой’, ‘плохой, слабый (о большом, старом человеке)’). Включение в процесс калькирования доприбалтийско-финского типа топонимов зафиксировано в основном на территории раннего заселения – в группах поселений Андома, Замошье, Самино, Тудозеро (например, *Масляная гора*, дер., 1583 г. < вепс. *Voimägi или **Voisel’g*, где *voi* ‘масло’, *mägi* ‘гора, холм, возвышенность’, *sel’g* ‘поросшая лесом гора, сельга’ < доприбалтийско-финский термин, соотносимый с саам. *vuoi* ‘ручей’).

В главе 4 «Абсолютная хронология языкового взаимодействия в Юго-Восточном Обонежье по данным ономастики» осуществляется привязка к абсолютной хронологической шкале времени использования прибалтийско-финских языков на территории ЮВО. В главе проведен этимологический, лингвогеографический и хронологический анализ топонимов и антропонимов, появление и функционирование которых в субстратных языках может быть привязано к абсолютной хронологической шкале.

В разделе 4.1 «Антропонимы прибалтийско-финского происхождения в писцовых книгах Юго-Восточного Обонежья XV–XVI вв.» приводится этимологический, лингвогеографический и хронологический анализ личных имен прибалтийско-финского происхождения, выявленных в исторических письменных источниках, относящихся к территории ЮВО. Здесь рассмотрены: прозвища, некалендарные имена и их производные (*Мустоев* < вепс., кар., *Mustoi* < кар. *musta*, вепс. *must* ‘черный’ и др.); варианты христианских имен (*Макоев* < вепс., кар. *Mak(k)o(i)* – рус. Макар и др.); антропонимы, не имеющие однозначной этимологии (*Ремоев / Ремуев* < вепс., кар. *Remoi < рус. Ефрем или кар. *Remoi < кар. *remu* ‘веселье, шум’, *riemu* ‘радостный’ и др.).

Представленная в документах территориальная и хронологическая привязка антропонимов позволяет заключить, что прибалтийско-финское население проживало на территории ЮОВО на момент составления первой сохранившейся писцовой книги (1496 г.). Анализ языковой дифференциации материала показывает, что из 25 носителей антропонимов наиболее многочисленную группу составляют носители именованных карельского типа – 13 (52 %). К вепсскому типу относится только один антропоним, а остальные 11 являются именованиями, которые могут иметь как карельские, так и вепские истоки. Однако доминирование антропонимов карельского типа здесь вряд ли отражает реальное соотношение карельского и вепсского населения. По-видимому, писцовые книги фиксировали в основном прибалтийско-финские имена карелов, недавно переселившихся из Северо-Западного Приладожья, где антропонимическая система, в сравнении с местной вепсской, была менее подвержена русскому влиянию. Обращает на себя внимание то, что во второй половине XVI в. часть носителей антропонимов карельского типа селилась на окраинных малоосвоенных землях, в удаленных относительно центральных погостов группах поселений ЮОВО, а часть являлась безземельными (бобыли, работники монастырей) или зависимыми от дворохозяев («суседи»), что свидетельствует, по всей видимости, о вынужденном переселении карелов из Северо-Западного Приладожья. Сравнение родственных связей носителей прибалтийско-финских антропонимов позволяет заключить, что прибалтийско-финское (по крайней мере, карельское) население в XVI в. использовало также русские прозвища и некоторые личные некалендарные имена (*Суrowец*, сын Карпика Ремуева; *Третьячко*, «братанич» (племянник) Проки Пянтина и др.).

В разделе 4.2 «Отантропонимные ойконимы, производные от имен жителей, время проживания которых возможно установить» рассмотрены:

названия пустошей, упоминаемые в 1563 и 1583 гг., которые позволяют установить имена жителей из несохранившейся части писцовой книги 1496 г.: *Микуевы* < вепс., кар. *Mikoi – рус. Николай (Миколай), Михаил, Никифор (Микифор) и др.;

отантропонимные ойконимы, одинаковые с источником-антропонимом в плане содержания, но различные в плане выражения (разноязычные), которые позволяют установить, что носители вепских и карельских форм календарных имен в писцовых книгах могут упоминаться под русскими формами календарных имен: *Вашоевская*, дер. < вепс. *Vašoi, кар. *Vuaššoi – рус. Василий, в 1496 г. в дер. отмечен Васко Нестаров.

В разделе 4.3 «Фамилии, производные от иноязычных вариантов крестильных имен» рассмотрены фамилии, производные от вепских и карельских форм календарных имен, время проживания которых установлено (например, *Софоихин* < прозвище *Софоиха* ‘жена Софоя’ < вепс. или кар. *Sofoi – рус. Софрон, Софон, фамилия восходит к Софону Федорову (1735–1775 гг.) и др.).

В разделе 4.4 «Топонимы, фиксируемые в ранних письменных источниках» рассмотрены следующие топонимы, позволяющие установить раннее датированное бытование вепсского и карельского языков на территории ЮОВО: *Рондо озеро*, оз., конец XIV – начало XV в., позднее *Рандозеро*, оз. < вепс. *rand*, кар. *randa* ‘берег, побережье’ (водоем находится у побережья оз. Онежского) и др.

В разделе 4.5 «Иные датированные изменения в топонимах и антропонимах» рассмотрены:

1) топонимы, изменяющие форму в соответствии с внутренними закономерностями субстратного языка (*Гакукса* > *Гакуса*, конец XVIII в. > *Гакукса*) или косвенно свидетельствующие о синхронном существовании иноязычных форм топонимов (одновременное бытование зафиксированных в писцовой книге форм *Гакукса* / *Вакукса* речка / *Акукса* речка, 1563 г. < вепс., кар. *Hakus);

2) случаи вепской адаптации карельских топонимов и карельской адаптации вепских топонимов, в том числе датируемой (например, карельская адаптация вепского суффикса *-ač* как *-at'*: вепс. *Lepač, от *lep* 'ольха' > кар. **Lepat'*, о чем свидетельствует переход *Липчезеро*, 1782 г. > *Лепотозеро*, оз. и д., конец XVIII в.);

3) изменения в топонимах, обусловленные более ранним соответствием прибалтийско-финского [ä] – (древне)русскому [a], а позднее – русскому [я]: кар. **Vängi/oja* > *Вянгиручей*, д. *Вянги*; *На Вянгинской пристани*, д., 1738 г. > *Ванга*, руч., 1785 г. > *Вянг(и)ручей / Вянга*;

4) *Гавровская / Гавровщина*, д. / вепс., кар. *Gavroi / *Gavrošin, где *Gavroi* – рус. Гавриил, ошибочно воспринятое как *Gavroja, где вепс., кар. *oja* 'ручей' > *Гавручей*, конец XVIII в.

В разделе 4.6 «Время использования субстратных языков по данным анализа топонимических калек» рассмотрен вопрос определения нижней и верхней границы существования языка по данным анализа топонимических калек. Данные границы могут быть определены:

по одновременному использованию разноязычных названий одного и того же объекта, которое выявляется по времени одновременной фиксации обоих разноязычных названий в письменных источниках: *Гонгилицы – Сосновицы*, 1678 г.;

по наиболее раннему (для нижней границы) или позднему (для верхней границы) времени фиксации русского названия, затем переведенного на вепский / карельский язык: *Лисья гора*, 1563 г. (нижняя граница), 1583 г. (верхняя граница) – *Ребосельга*.

В разделе 4.7 «Время использования субстратных языков по данным анализа гелонимов» проведен этимологический анализ и осуществлена территориальная привязка гелонимов-полукалек ЮОВО, в которых используются детерминанты *-мах* и *-болото*. При этом показательно, что в Шимозерье, где вепский язык использовался вплоть до середины XX в. в полукаляках используется только *-болото*. Как свидетельствует анализ топонимов ЮОВО и Присвирья, адаптационная модель на *-мах* использовалась до XVII в. В начале XVIII в. ее сменяет адаптационная модель на *-болото*. Следовательно, установление абсолютной хронологии модели адаптации гелонимов (на *-мах* или *-болото*) позволяет установить период использования вепского и карельского языков на данной территории.

Выводы и сведения о публикации основных научных результатов главы 4 приводятся в разделе 4.8. В частности, установленные в главе 4 сведения об абсолютной хронологии использования вепского и карельского языков в отношении групп поселений ЮОВО сведены в таблицу и подробно проанализированы в следующей главе.

В главе 5 «Реконструкция ареала прибалтийско-финских языков и языкового взаимодействия в Юго-Восточном Обонежье» реконструируется ареал вепского и карельского языков в Юго-Восточном Обонежье, бытовавшие на территории языковые контакты (вепско-русское, карельско-русское и вепско-карельское языковое взаимодействие).

В разделе 5.1 «Реконструкция ареала вепского языка в Юго-Восточном Обонежье» на основании данных языкознания (в совокупности с данными археологии и исторических источников) определяются хронологические рамки использования вепского языка в ЮОВО как в целом по микрорегиону (с X–XIII вв. по вторую половину XIX в.), так и по отдельным группам поселений.

В разделе 5.2 «Реконструкция ареала карельского языка в Юго-Восточном Обонежье» на основе данных языкознания (в совокупности с историческими

источниками) определяются хронологические рамки использования карельского языка в ЮОВО как в целом по микрорегиону (с конца XV в. по XVIII в.), так и по отдельным группам поселений. При этом значительная доля населения, владевшим карельским языком, присутствовала в возникших в начале XVIII века поселениях Андомского старообрядческого скита, подчинявшегося Выговскому старообрядческому общежителю. Так, анализ топонимии свидетельствует, что 70 % карельско-русских топонимических калек ЮОВО выявлены на территории групп поселений, в пределах которых располагался Андоморецкий старообрядческий скит. Показательно, что соотношение количества вепско-русских топонимических калек к карельско-русским топонимическим калкам составляет 1:0,7, в то время как на территории групп поселений, в пределах которых располагался Андоморецкий старообрядческий скит, соответствующая пропорция представлена как 1:7. При этом соотношение топонимов карельского типа на территории раннего и позднего освоения в Андомском погосте составляет 1,4:1, в Вытегорском погосте – 4,5:1, что свидетельствует о значительном уменьшении случаев появления топонимов карельского типа в Вытегорском погосте-округе после конца XVII в., в то время как в Андомском погосте-округе топонимы карельского типа появлялись и после конца XVII в.

В разделе 5.3 «Прочие прибалтийско-финские языки в Юго-Восточном Обонежье» рассмотрены топонимы и антропонимы, свидетельствующие о том, что в XV–XVIII вв. в ЮОВО совместно с карелами с территории Северо-Западного Приладожья, Приневья и юго-восточного побережья Балтийского моря (Корельский, Копорский, Ореховский и Ямской уезды) прибывало некоторое количество финнов, ижоры и води.

В разделе 5.4 «Языковые контакты прибалтийско-финских языков в Юго-Восточном Обонежье» реконструированы хронологические рамки вепско-русского, карельско-русского и вепско-карельского языкового взаимодействия. Обобщение полученных ранее данных показывает, что на территории ЮОВО взаимодействие языков осуществлялось в следующих хронологических рамках: вепский и (древне)русский – XII–XIX вв., карельский и русский, карельский и вепский – XV–XVIII в. При этом, судя по анализу топонимов-полукалек, массовое вепско-русское и карельско-русское двуязычие началось еще до XVIII в., а в XVIII в. продолжилось.

Выводы и сведения о публикации основных научных результатов главы 5 приводятся в разделе 5.5.

В **заключении** подводятся итоги работы, формулируются конкретные результаты исследования, выделяются этапы появления прибалтийско-финских языков на территории ЮОВО и произошедшие языковые сдвиги, предлагаются перспективные направления дальнейшего исследования. Отмечается, что массовость субстратной топонимии, в том числе микротопонимии, способы ее адаптации (массовые полукальки, многочисленные случаи калькирования топонимов), наличие многочисленной субстратной апеллятивной лексики, в том числе наличие лексических калек, а также анализ данных истории, археологии, этнографии, теории архитектуры доказывает не заимствованный, а субстратный характер славяно-финского взаимодействия на территории ЮОВО, то есть свидетельствует о массовом переходе на русский язык местного вепского и карельского населения, происходившем постепенно, в течение длительного периода времени. Таким образом, в итоге многовекового языкового, культурного и языкового взаимодействия на Европейском Севере, включая ЮОВО, произошла комбинация (древне)русских и прибалтийско-финских (главным образом, (древне)вепских и карельских) элементов культуры и языка. И эти элементы стали восприниматься как свои каждой этнической группой.

В целом, микрорегиональный уровень актуален для изучения этнической и языковой истории локально-этнографических групп населения с последующим обобщением до макрорегионального уровня, а Обонежье является одной из ключевых точек, своего рода полигоном, для исследований языковых и культурных контактов.

По теме диссертации опубликована 21 работа (общий объем 41,5 печ. л.):

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Соболев, А. И. О прибалтийско-финском субстрате в геокультурном пространстве Андомского погоста / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2009. – № 5. – С. 33–38 (0,5 п.л.).
2. Соболев, А. И. Змеиные мотивы и образы в русской этнолингвистической традиции Андомского погоста (проблемы вепского субстрата) / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2010. – № 3. – С. 19–24 (0,6 п.л.).
3. Соболев, А. И. Названия населенных мест юго-восточного Обонежья в контексте формирования культурного ландшафта / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 4. – Серия «Гуманитарные исследования». – Вып. 3. – С. 191–196 (0,9 п.л.).
4. Соболев, А. И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Вопросы ономастики. – 2015. – № 1 (18). – С. 47–68 (2,9 п.л.).
5. Соболев, А. И. Антропонимы прибалтийско-финского происхождения в писцовых книгах Юго-Восточного Обонежья XV-XVI вв. / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 7–34 (3,1 п.л.) – *Статья индексирована в Scopus (Q2)*.
6. Соболев, А. И. О повышении достоверности ономастических этимологий (на материале Юго-Восточного Обонежья) / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Вопросы ономастики. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 9–40 (3,3 п.л.) – *Статья индексирована в Scopus (Q2) и Web of Science – Emerging Sources Citation Index*.

Публикации в других изданиях

7. Соболев, А. И. Вепские антропонимы и ойконимы Андомского погоста в XVI веке / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // XIV международные Ломоносовские чтения : сборник научных трудов / Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова ; ответственный редактор С. И. Шубин. – Архангельск : Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2002. – С. 232–233 (0,1 п.л.).
8. Соболев, А. И. Вепские антропонимы и ойконимы Вытегорского погоста в XV–XVI веках / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // XV международные Ломоносовские чтения : сборник научных трудов / ответственный редактор В. И. Голдин. – Архангельск : Поморский государственный университет, 2003. – С.171–174 (0,3 п.л.).

9. Соболев, А. И. К вопросу о вепском субстрате в сакральной топонимии Андомского погоста / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России : сборник научных статей : [материалы II Поморских чтений по семиотике культуры, проведенных в рамках XVIII Ломоносовских международных чтений, 23–27 июля 2006 года] / ответственный редактор Н. М. Терехихин. – Архангельск : Поморский университет, 2006. – С. 182–189. – (Поморские чтения по семиотике культуры / редколлегия : А.К. Байбурин [и др.]. Вып. 2) (0,5 п.л.).
10. Соболев, А. И. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Геокультурное пространство Европейского Севера : генезис, структура, семантика = Geocultural Space of European North: Genesis, Structure, Semantics : сборник научных статей : [материалы IV Поморских чтений по семиотике культуры, 7-11 июля 2008 года] / составители : П. С. Журавлев [и др.]; ответственный редактор : Н. М. Терехихин. – Архангельск : Поморский университет, 2009. – С. 300–358 (5,2 п.л.).
11. Соболев, А. И. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста и о некоторых вопросах освоения данной территории / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Вытегра : краеведческий альманах. Вып. 4 / Администрация Вытегорского муниципального района Вологодской области, Вытегорский краеведческий музей, Вологодский государственный педагогический университет ; главный редактор Е. А. Скупинова. – Вологда : ВГПУ, 2010. – С. 185–252. – (Серия альманахов «Старинные города Вологодской области» / гл. ред. М. А. Безнин) (4,5 п.л.).
12. Соболев, А. И. К вопросу об этническом взаимодействии русских, вепсов и карел на территории Андомского погоста / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // *Studia Slavica X* : сборник научных трудов молодых филологов / Таллинский университет, Институт славянских языков и культур ; ответственные редакторы : А. Кюналь, Г. Утгоф, И. Адамсон. – Таллин : Таллинский университет, Институт славянских языков и культур, 2011. – С. 302–313 (0,7 п.л.).
13. Соболев, А. И. Субстратная топонимия Тудозерья и ее соотношение с данными археологии / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Рябининские чтения–2011 : материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / ответственный редактор Т. Г. Иванова. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2011. – С. 502–504 (0,5 п.л.).
14. Соболев, А. И. Прибалтийско-финские кальки в топонимии юго-восточного Обонежья / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Вепские ареальные исследования : сборник статей / Карельский научный центр Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории ; научные редакторы : Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013. – С. 155–165 (0,9 п.л.).
15. Соболев, А. И. Вепское прошлое Юго-Восточного Обонежья по данным ономастики / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований ; ответственный редактор А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – С. 438–508 (5,3 п.л.).

16. Соболев, А. И. Географическое подтверждение топонимических этимологий (на примере юго-восточного Обонежья) / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Рябининские чтения–2015 : материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи» ; ответственный редактор Т. Г. Иванова. – Петрозаводск : [б. и.], 2015. – С. 570–572 (0,5 п.л.).
17. Соболев, А. И. Калькирование в топонимии и апеллятивной лексике юго-восточного Обонежья как источник для реконструкции этнической истории / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Вытегра : краеведческий альманах. Вып. 5 / Администрация Вытегорского муниципального района Вологодской области, Вытегорский объединенный музей, Вологодский государственный университет, Лаборатория геоэкологии педагогического института ; главный редактор Е. А. Скупинова. – Вологда : Вологодский государственный университет, 2015. – С. 175–240. – (Серия альманахов «Старинные города Вологодской области» / гл. ред. М. А. Безнин) (5,1 п.л.).
18. Соболев, А. И. Формирование культурного ландшафта в зеркале субстратной топонимии Юго-Восточного Обонежья / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Финно-угорская мозаика : сборник статей к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен / Карельский научный центр Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории ; ответственный редактор О. П. Илюха. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2016. – С. 203–220. – (Серия: Studia Nordica ; I) (1,7 п.л.).
19. Соболев, А. И. Ономастические данные писцовых книг как источник реконструкции языковой ситуации (на примере Юго-Восточного Обонежья) / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Международной научной конференции (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.) / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; ответственный редактор Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Уральский университет, 2019. – С. 306–309 (0,2 п.л.).
20. Соболев, А. И. Районирование Юго-Восточного Обонежья с целью географической привязки ономастического материала / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Рябининские чтения–2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Министерство культуры Российской Федерации, Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи», Карельский научный центр Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории ; ответственный редактор Т. Г. Иванова. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. – С. 607–611 (0,6 п.л.).
21. Соболев, А. И. Географические особенности объекта как ключ к этимологии его названия (особенности литогенной основы и рельефа) / А. И. Соболев. – Текст : непосредственный // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований ; ответственный редактор С. А. Мызников. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2020. – С. 657–711 (4,1 п.л.).

Подписано в печать 17.04.2024 г.
Формат 60х92/16.
Объем 1,5 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 128

ООО «Центр документации»
г. Архангельск, пл. Ленина, 4.
Тел.: (8182) 21-51-83, e-mail: cdx18@yandex.ru